

УДК 39:34

**ЛАТЫШИ БАШКИРСКОЙ АССР В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ:
ФАКТОРЫ ВЫЖИВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧНОСТИ**

© Е.А. Чегодаев

Рассмотрены проблемы, с которыми пришлось столкнуться латышским крестьянам молодой Башкирской республики, противоречия их социально-экономических и этнокультурных интересов и советской власти. Показаны предпринятые латышами меры по сохранению традиционного уклада жизни методами вооруженного сопротивления и протестов, а также вовлечение их партийными и комсомольскими органами в социалистическое строительство.

Ключевые слова: советская власть, этническая группа латышей, латышские хозяйства, иноэтничная среда, лютеранская вера.

Несмотря на то, что латыши вошли в историю революции благодаря легендарным латышским красным стрелкам, в то же время имелось значительное число латышских крестьян, экономическим интересам которых не соответствовала смена общественно-политической системы. Напротив, благополучие латышских хозяйств, коренным образом выделяющихся из общего контекста, обусловило острую борьбу за сохранение прежних социально-политических условий.

В Уфимской губернии в первом десятилетии XX в. абсолютное большинство латышей проживало в сельской местности, занимаясь крестьянским трудом, и только незначительная часть – в городах, в основном в г. Уфе. Подворной переписью 1912–1913 гг. здесь было учтено (без городского населения) 4167 латышей. Структура латышского общества в крае не изменилась существенно в годы Первой мировой войны и последовавших за ней событий, хотя численность латышей возросла за счет беженцев из западных районов страны. Неоценимую помощь в их расселении оказывали национальные организации. Уфимское «Латышское общество взаимопомощи» к августу 1915 г. встретило свыше 400 латышей, небольшую часть из которых устроило на работу в Уфе, 20 чел. отправило на бу-

мажную фабрику «Белый Ключ», несколько семей – на завод общества «Магнетит» в Сатку, большинство беженцев расселило в латышских колониях [1]. К февралю 1916 г. беженцев в латышских колониях Уфимского уезда проживало уже 1200 чел. [2]. По данным переписи 1926 г., число латышей – сельских жителей Уфимской губернии – составило 6675 чел., лишь 370 латышей проживало в городах.

Целью настоящей статьи является выявление факторов выживания этнической группы латышей Башкортостана в условиях смены политического режима – установления советской власти, экономических и этнокультурных репрессий в первые ее десятилетия, и изоляции от исторической родины. Для исследования представляет особый интерес проблема функционирования латышских колоний в 20–30-х гг. XX в., предшествующих массовой коллективизации крестьянства. В тот переломный период терялись перспективы развития индивидуальных хозяйств, а вместе с ними рушились основы социально-экономического благополучия, зажиточные крестьяне становились заложниками своего достатка. Материалом для написания работы послужили полевые источники, собранные автором в 2010–2012 гг. в Иглинском и Ар-

хангельском районах Башкортостана – местах их компактного расселения – и в г. Уфе, а также неопубликованные архивные документы и пресса прошлого столетия.

Указанные источники свидетельствуют о том, что с первых дней вывода войск Колчака в крае развернулась работа по вовлечению населения в социалистическое строительство, особенностью которой стало то, что велась она на языках этносов, населявших губернию. Политико-просветительная работа в латышских колониях не находила широкой поддержки, была крайне затрудненной и не приносила ожидаемых результатов, так как не отражала интересы большинства населения. Зажиточным хуторянам со стойким мировоззрением собственника были неприемлемы изменения политической и социально-экономической системы, ведущие к ухудшению их жизненного уклада и потере достатка. Работа осложнялась тем, что латыши в условиях хуторского проживания были территориально отделены не только от других этносов, но даже и от ближайших соседей. Характерной чертой оставалась их обособленность, благодаря которой сохранялись идентичность и этническая культура в условиях иноязычной и инокультурной среды.

Латышские переселенцы, являясь юридически жителями Уфимской губернии, затем Башкирской АССР, фактически никогда не теряли связь с исторической родиной, находились внутри ее культурной традиции и отчасти в экономическом пространстве [3]. Кроме того, они поддерживали личные и деловые контакты с земляками и родственниками из соседних колоний региона, а также других губерний страны, что также препятствовало этнокультурной ассимиляции [4].

О тесных связях латышей Башкортостана с исторической родиной говорит такой факт, что одним из рынков сбыта сливочного масла до Октябрьской революции являлся город Рига, куда масло отправляли в вагонах-ледниках со станций Иглино и Тавтиманово. Из Латвии же поступали семена различных растений, промышленные товары, краски, книги, учебники, журналы и газеты. Даже

кресты, устанавливаемые на могилах умерших, отливали на латвийских предприятиях. После Октябрьской революции и образования независимой Латвии связь с исторической родиной прерывается, латышские колонисты оказываются в условиях изоляции от материнского этноса. Но и в этот период происходит нелегальное проникновение на территорию СССР отдельных экземпляров религиозной литературы. До сих пор у потомков латышских переселенцев встречаются брошюры, изданные в Латвии в 20–30-х гг. прошлого века.

Образование независимой Латвии и революционные события в России не могли не влиять на настроения, складывающиеся в среде латышских колонистов. Инструктор-организатор латышской секции Ф. Рудде, направленный в сентябре 1919 г. в Свято-Троицкую волость Уфимского уезда, докладывал, что крестьянское население не организовано и даже враждебно настроено к советской власти [5]. Антисоветские настроения в среде латышского крестьянства объясняли шовинистской пропагандой со стороны кулачества [6]. Для внедрения коммунистической идеологии по всей стране создаются опорные пункты политико-воспитательной работы. К ним относятся: партийные и комсомольские ячейки, избычитальни, красные уголки, сельсоветы, комитеты бедноты, ячейки добровольных обществ. Ведется работа с молодежью, женщинами и батраками. Проводится антирелигиозная пропаганда. Одной из форм агитации становятся митинги, на которые собрать латышских колонистов было весьма затруднительно в связи с удаленностью хуторов и постоянной занятостью их в своих хозяйствах. Для привлечения латышей к участию в агитационных мероприятиях применяются такие способы, как организация лекций по различным отраслям сельского хозяйства, доведение информации «О положении в Латвии», организация концертных и театральных представлений.

Крайне затрудненной оставалась работа с латышскими женщинами, уровень образования и грамотности которых был намного выше, чем у женщин других этносов. Как от-

мечалось в докладе обследования деятельности Ауструмской ячейки ВКП(б) за период январь 1926 г. – март 1927 г., «...вести работу среди женщин-латышек в условиях хуторского хозяйства почти невозможно» [7]. Забота о семье и хозяйстве, воспитание детей являлось основной их заботой и времяпровождением. Для привлечения женщин к участию в общественной жизни, в том числе к работе в женских советах, пытались организовывать занятия по домоводству, в том числе курсы кройки и шитья, рукоделия.

Первоначально (до создания отделов национальных меньшинств) пропагандистской работой в латышских колониях занимались агитаторы, направленные латсекцией Губкома партии. В июле 1919 г. в Стерлитамакском уезде усилиями агитатора по фамилии Янсон была создана латышская партийная ячейка численностью 50 чел., избран Совет крестьянских депутатов, организована доставка партийной литературы. Аналогичная работа проводилась и в других уездах. Организацией большевистских ячеек в Балтийской и Озолцемской (Дубовской) колониях осенью 1919 г. занимался Х.П. Путнись, прибывший в Уфу на лечение в связи с ранением с Южного фронта [8].

С 7 по 9 декабря 1919 г. в г. Уфе проводилась 1-я конференция латышских секций РКП(б), на которой выступали делегаты из сельских партийных организаций. Делегат из Ауструмской колонии Меднис докладывал, что секция РКП действовала с 1918 г., пока с приходом чехословаков ей не пришлось ликвидироваться. Вновь созданная партийная ячейка состояла из 10 членов и 7 сочувствующих, что составляло всего 2,1% от общего числа жите-

лей колонии. При секции были организованы кружок молодежи и библиотека с фондом из 175 латышских и 165 русских книг.

Численность ячеек в других колониях также была не велика. Самая крупная организация находилась в Архангельской и Бакалдинской колониях, где объединенная партийная ячейка насчитывала 45 членов партии и 25 сочувствующих, но и она составляла всего 2,6% от общего числа жителей. В Балтийской колонии на учете состояло 10 членов партии, в Озолцемской (Дубовской) – 9 членов и 7 сочувствующих, в Златоусте латышской секции не было, латыши-коммунисты состояли на учете в русской партийной организации. В Балажинской колонии был только один коммунист по фамилии Бирзгал, но и он, по выражению Медниса, «сомнителен», так как на съезде Советов Уфимского уезда «...высказывался против коммунистов, а по окончании съезда пенял на русских крестьян-депутатов за то, что свои голоса подавали за коммунистов».

В 1923 г. в Уфимском кантоне из числа национальных меньшинств латышей стояло на учете 75 членов и кандидатов ВКП(б), из которых 18 женщин, что составляло всего 0,8% от общего количества латышей. Коммунистов стояло на учете: в Архангельской латышской колонии – 23 чел., Ауструмской колонии – 9 чел., Цветаевской колонии – 9 чел., Кальтовской партийной ячейке – 7 чел., Балтийской колонии – 4 чел., в Балажинской и Дубовской колониях – по 3 чел., в г. Уфе – 5 чел.

Из табл. 1 видно, что число членов партии среди латышей было крайне незначительным, крестьяне, вступившие в партию в период с 1917 по 1920 год сделали это на волне революционных событий, поверив боль-

Таблица 1

Распределение коммунистов-латышей Уфимского кантона по времени вступления в РКП(б) (по состоянию на май 1923 г.) [9]

До 1917 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
6	16	9	12 (в т.ч. 1 кандидат в члены партии)	20 (в т.ч. 3 кандидата в члены партии)	8 (в т.ч. 4 кандидата в члены партии)	2	2 кандидата в члены партии

шевистской агитации. Коммунистов со стажем в партии до 1917 г. было всего 6 чел., в основном из числа беженцев и эвакуированных.

О негативном отношении латышских крестьян к советской власти неоднократно докладывали инструкторы Губкома. Так, в заключениях обследований работы партийных ячеек за период 1927–1928 гг. рассматривалось не только состояние партийной работы, но давался социально-экономический анализ крестьянских хозяйств, а также фиксировались конкретные высказывания латышских крестьян. «... Вот примерно такого содержания можно услышать разговоры не только в Архангельской, но и других колониях: “... Какая это советская власть, я очень сожалею, что в годы Гражданской войны боролся против чехов и Колчака”, – говорил крестьянин-средняк. Даже члены партии открыто выражали свое отношение: “... Если б в начале революции знал бы о советской власти, что сейчас, то, наверное, не был бы Красным партизаном”. В связи с убийством Войкова высказывались: “... Это только начало... Скоро начнется и у нас, и тогда держитесь... Тогда посмотрим, где раки зимуют” (фраза Берзина из Балтийской колонии, «брошенная в лицо» члену ВКП(б) учительнице Кузнецовой). Бирзгал из Балажинской колонии говорил: “... Последнюю красоту и перл жизни – священный брак у нас отняли. Каждый идет в Совет записываться и расписываться, а советская власть бесконечные разводы поощряет”. А вот высказывание священника Франса: “... Господи, молю тебя за сыновей латышского народа, находящихся в безбожном окружении Красной армии... Не посещайте мирские собрания, ибо они от сатаны. Заботьтесь лучше о спасении души”» [10].

Революция и Гражданская война не только усилили миграцию в Уфимскую губернию, но и способствовали обратному процессу. Имелись случаи, когда латышские крестьяне, опасаясь за свою жизнь, уходили вместе с отступавшей Белой армией или нелегально пробирались в Прибалтику. Сведения о таких случаях содержатся в информационном материале, присланном в марте 1927 г. в Латышскую

секцию Губернского комитета по делу спорных конфискованных хуторов Ауструмского сельского совета. Среди рассмотренных материалов были дела о земле Мартина Розе и Петра Алсина. Текст документа приводится с незначительными сокращениями: «... Бывшие хутора Розе Мартина Мартиновича в числе 3 хуторов с площадью 124 дес. до революции сам не обрабатывал, а сдавал в аренду. Служил же в Латвии управляющим. Когда жил дома, сам работал мало, а эксплуатировал наемный труд. В 1917 г. Розе оказал содействие скрыться своему зятю банкиру Бауману Ив. Петровичу, когда партиячка хотела Баумана арестовать. Розе отвез его на ст. Тавтиманово, купил билет и отправил. В 1918 г. Розе был одним из главных организаторов белогвардейского восстания. В 1919 г. уехал с Колчаком в Сибирь. Розе имеет подложный документ, что он в 1918 г. спас 3-х коммунистов от Колчака. Такой документ ему подписали кулаки, которые и отказались от своих подписей. Петр Алсин имел 17,5 дес. Алсин умер, а сыновья бежали в Латвию. Из семьи Алсина никто не остался. Алсин при отъезде в Сибирь с Колчаком оставил на своем хуторе женщину Булов Тию. Булов отдавала землю в исполов и аренду» [10]. Ушел с Белой армией и бывший председатель Ауструмской молочной артели (фамилия в документе не упоминается), который, по-видимому, присвоил артельные деньги, за что оставшиеся члены кооператива объявили его «неоплатным должником» [11]. В последующие годы тенденция возвращения на историческую родину только усиливалась. Этому способствовало также и то, что пришлое население, проживавшее на территориях с преобладающим башкирским этносом, опасалось реставрации вотчинного права башкир, то есть того, что «... башкиры вновь станут хозяевами своих земель, а все остальные станут арендаторами». Дело дошло до того, что «... Зильдяровский волостной земельный комитет Белебеевского уезда принял решение о выселении с территории волости всех русских селений» [12]. Как известно, на территории этой волости как раз и располагалась Ново-Балтийская латышская колония.

Расслоение латышского крестьянства носило совершенно иной характер, чем у большинства этносов региона. Среднее крестьянство по своему имущественному положению, по состоянию хозяйства стояло выше середняка русской деревни. Бедняков в процентном отношении было меньше, а батраков нанимали преимущественно не из латышей.

С введением в стране НЭП, стимулировавшей частную инициативу, предпринимательство и конкуренцию, произошло увеличение количества середняцких и зажиточных хозяйств. Данная тенденция в полной мере распространилась и на латышские колонии Башкирской республики. Так, Архангельская латышская колония в 1927 г. насчитывала 429 хуторских хозяйств (из которых 15 русские). Средняя обеспеченность землей составляла 7 дес. (пашни и сенокосы), крупным рогатым скотом – 3,7 голов, мелким скотом – 6,7 голов на одно хозяйство. Бескоровных хозяйств насчитывалось 16, безлошадных – 26.

В 1927 г. секретарь Латсекции ВКП(б) Ольман докладывал: «...Работа среди латышской бедноты ввиду ее разбросанности по отдельным хуторам, малого количества и вообще незначительного ее удельного веса по сравнению с середняцкими и зажиточными может успешно проводиться лишь при большом напряжении всех партийных сил на местах» [13].

Как видно из данных 1926 г., доля хозяйств, которые были отнесены к категории бедняцких (1–5 дес.), была относительно невелика и составляла 19,3%. Реально же их было еще меньше, так как в это число вошли хозяйства, фактически бедняцкими не явля-

ющиеся, например, образованные молодыми семьями. Они продолжали ведение с родителями совместной деятельности, в том числе общее использование сельскохозяйственных машин, инвентаря, лошадей и т.д. Хозяйства престарелых жителей, отошедших от сельскохозяйственной работы, также находились на содержании близких родственников. Вдовы, имеющие малолетних детей, не имея возможности лично обрабатывать свои земельные участки, передавали их родственникам или другим лицам и получали необходимую помощь. Имелись в колониях также жители, для которых ведение сельского хозяйства не являлось основным занятием, например, работавшие на железной дороге, в лесном хозяйстве и др. Наиболее бедными оставались хозяйства беженцев, не успевшие развиваться за эти годы.

Абсолютное большинство латышских хозяйств было отнесено к категории середняцких – 78%, из которых доля середняцко-зжиточных (от 10 до 15 дес.) составляла 50,8%. Термин «зжиточный середняк» использовался инструкторами латсекций, которые пытались не допустить произвола по отношению к абсолютному большинству латышей на начальных этапах колхозного строительства. Объясняли это тем, что «...многие из местных работников почти не разграничивают зажиточных крестьян от кулаков» [13].

О зажиточности латышей говорит и такой факт, что их хозяйства по количеству скота, сельхозинвентаря, способам обработки земли, найму рабочей силы, товарной продукции значительно опережали соседние полунатуральные татаро-башкирские хозяйства. Так, каждое

Т а б л и ц а 2

Распределение хозяйств Архангельской латышской колонии по размеру площади обрабатываемой земли (пашня и сенокос)

	1924 г.	1926 г.	Рост убыли, %	Отношение к общему числу хозяйств, %
От 1 до 5 дес.	228	83	-63,5%	19,3
От 5 до 10 дес.	138	117	-15,2%	27,3
От 10 до 15 дес.	8	215		50,8
От 15 до 20 и больше	–	9		2,6
Итого	374	424		

латышское хозяйство в 1926 г. платило сельхозналог в среднем в сумме 44 руб. 64 коп., а каждое русское, татарское и башкирское хозяйство – лишь 4 руб. 17 коп. [14].

Конечно, политика государства по поддержке беднейших слоев населения не могла нравиться зажиточным латышам, которые высказывали явно отрицательное отношение к данному вопросу. Например, инструкторами Губкома фиксировались следующие высказывания: «...Советская власть трудовое крестьянство облагает большими налогами и называет кулачеством, а лодырей и лентяев вообще, а в частности, татаро-башкир поощряет льготами, ссудами, кредитами и т.д. Татарин свою землю отдает в аренду, сам гоняется за лисой и дерет липу, а советская власть такому лодырю помогает». По отношению к созданному в это время Крестьянскому комитету взаимопомощи: «...Латышские крестьяне к комитету относились отрицательно. С насмешкой, называя его «Комитетом голодных» (Bada komiteja), и так как они сытые, то им в «Комитете» нечего делать» [14].

Ввиду развитого хозяйства большинство латышей вынуждены были прибегать к наемному труду. Так, если в 1924 г. в сельском совете Архангельской колонии было зарегистрировано 162 трудовых договоров, то в 1925 г. – уже 285. Преобладающее большинство трудовых договоров заключалось с пастухами и сезонными рабочими. Последние нанимались во время полевых работ сроком на 3–4 месяца. Среди наемных рабочих преобладающее место занимали татары и башкиры (батраки и бедняки) из окружающих деревень. Это обстоятельство порождало среди местного населения взгляды, что латышское крестьянство наполовину состоит из кулаков. Аналогичного мнения придерживались работники волостных и кантонных органов власти, которые приходили к выводу о преобладающем кулачестве среди латышей, исходя из статистики заключенных трудовых договоров.

Латышским крестьянам в условиях негативного к ним отношения, опасаясь возможных репрессий, приходилось сокращать применение наемного труда или полностью

от него отказываться. В результате в 1926 г. было зарегистрировано лишь 124 трудовых договора и 27 наймов рабочей силы без оформления договорных отношений, т.е. 151 случай применения наемного труда, что на 46,35% меньше по сравнению с 1925 г. [15]. В то же время с экономическим ростом хозяйств необходимость усиления человеческого труда возрастала. Крестьяне же, опасаясь быть зачисленными в кулаки, вынуждены были сокращать количество скота и размер пашни, либо нанимать батраков только в самую страдную пору. Это подталкивало крестьян приобретать и более широко использовать сельскохозяйственные машины, а также увеличивало нагрузку на членов семьи, которые в летнее время работали по 16–18 часов в сутки.

Латышское общество было пронизано общностью ментальности и стереотипов поведения. Латышские бедняки тянулись за более зажиточными соседями, старались упорным трудом поднять свои хозяйства, вследствие чего политика их мало интересовала и советскую власть в своем большинстве они не поддерживали. Примером для них служили хозяйства середняков, существовавшие уже 15–25 лет, и которые уже прошли период становления, переживаемый беднотой. При советизации деревни большевики опирались на беднейшее крестьянство и батраков. Как правило, советскую власть поддерживали деклассированные элементы, стремившиеся нажиться за чужой счет. Среди латышей такие тенденции практически отсутствовали.

В условиях социальной и политической нестабильности первого десятилетия советской власти перед латышскими крестьянами встал вопрос о перспективах существования и дальнейшего развития хозяйств. Все это также не могло не повлиять на настроения, царившие в их среде. Инструкторы Губкома отмечали: «...Упадочно-пессимистические настроения в некоторых колониях углубляются. Их можно уже изображать в графиках с цифровыми данными, где сокращаются посевы, уменьшается количество скота, дробятся хозяйства между членами семьи. Даже бывшие

когда-то латышские стрелки в политическом, классовом отношении вполне сознательные люди, постепенно превращаются в аполитичных плебеев... Собрания посещают весьма редко и неохотно, противившись к их избранию в сельский совет, в правлении кооперации и т.д. Главный мотив: “Мне некогда”» [16]. Еще один характерный пример, взятый из доклада инструктора Губкома партии (приводится дословно): «...Хозяйство крестьянина Легздыня Анса. Имеет около 20 дес. (пахотной и сенокосной) земли, 12 дойных коров, 11 голов нетелей и телят, 7–8 свиней, 3-х рабочих лошадей, 20–25 овец, 6-ти польный севооборот, 9 вполне удовлетворительных построек. Сельхозмашины: сеялку, жнейку, косилку, молотилку (конную), веялку, сортировку, сепаратор, конные грабли, пружинные бороны и весь необходимый мелкий сельхозинвентарь. Хозяйство обрабатывал членами своей семьи до 1926 г. Сын служит в Красной армии (командир-коммунист). Старшая дочь окончила 1 ст. областную совпартшколу, работает в библиотеке (кандидат партии). Другая дочь – комсомолка (секретарь местной комсомольской ячейки), двое детей оба состоят в пионеротряде. Сам Легздынь был председателем сельского совета, потом в Правлении маслодельной артели. Выписывает газеты «Правда», «Кревияс циня» («Krievijas Sīņa» – «Русская борьба»), «Латв Земнекс» («Latviešu Zemnieks» – «Латышский крестьянин»). Работников в хозяйстве: сам Легздынь, его сын 22 г., дочь 18 лет и жена-хозяйка. В связи с уходом старшей дочери в библиотеку, на постоянную работу Легздынь вынужден нанимать на круглый год батрака. Он этого не делает. Из-за боязни получить клеймо кулака (ибо его уже без того многие из окружающих считают кулаком). Работает по 16–18 часов в сутки. Не справляется. Думает, или поделить хозяйство между детьми, или сократить размер пашни, уменьшить количество скота. Легздынь выбрал уже последний вариант. Последний раз его встретил уже угрюмо-печальным. В его душе как будто уже появилась некоторая злоба, которую уже при всем желании в моем присутствии не смог

утаить. Его дочь (секретарь комсомольской ячейки) на комсомольскую работу стала смотреть как на излишнее бремя. «”...Хочется удрать, уехать отсюда”, “...Хочу учиться, здесь нет перспектив”» [16].

Не только отношение власти к зажиточному крестьянству влияло на настроения латышского населения. Произошли коренные изменения всей социальной жизни, в том числе религиозной. Лютеранская вера для латышских колонистов была больше чем религия, она являлась связующим звеном как с материнским этносом, так и с другими колониями, что было крайне важно для переселенцев, «...получающих возможность, живя в иноэтническом окружении, слышать родной язык во время богослужений, консолидироваться с ранее прибывшими соотечественниками, иметь связь с родиной через церковь, получая информацию о ней от приезжающих пасторов и через доставленную из отечества прессу» [17].

Регулярное посещение пасторов позволяло крестьянам быть также в курсе событий, происходящих в других сельских общинах. Жизнь и быт латышей были пронизаны религиозными традициями. Совместные богослужения, церковное песнопение сплачивало людей, являясь основой воспитания детей. С рождения у латышей «...лютеранская религия укрепляла исторически сложившееся стремление к труду, вырабатывая в латыше мировоззрение созерцания, в силу которого человек приходил к убеждению, что он должен в поте лица своего добывать хлеб, не ожидая ничего от других, жить для труда, веря, что Бог помогает тому, кто помогает себе» [18]. Борьба государства с религией нарушала жизненный уклад латышского населения.

Серьезным изменениям подверглось народное образование. Советизация школ привела к катастрофической нехватке учителей, владеющих латышским языком. Кроме того, в стенах школ стала проводиться политиковоспитательная и антирелигиозная работа не только с учениками, но и с их родителями, в результате чего многие латышские семьи ста-

ли отказываться посылать своих детей в советские школы. Это также приводило к серьезному конфликту с властями.

Стремление новой власти к поднятию политической активности населения, ломка старых устоев приводили к разрушению этнической самобытности латышей, их традиций. Естественно, что крестьяне и других этносов были не в лучшем положении, но латышские колонисты в условиях изоляции от материнского этноса, пытаясь сохранить национальное единство, подверглись невиданному ранее стрессу, фактически став заложниками своего бывшего благополучия.

Таким образом, борьба латышей за социально-экономическое и этнокультурное выживание в первые десятилетия советской власти сопровождалась серьезными потерями и разочарованиями. Еще большие испытания их ожидали в годы сплошной коллективизации, приведшей к ликвидации колоний, массовым репрессиям, физическому уничтожению латышского населения. Помочь выжить в Башкирской республике и сохранить этничность помогла связь с прежней родиной и латышскими переселенцами в соседних колониях региона и других губерниях, изолированное от других этносов хуторское расселение с четкой самоорганизацией, комплексное хозяйство, открытое для инноваций, а также огромный труд и выдержка переселенцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сельскохозяйственный листок. 1915. С. 36.
2. Сельскохозяйственный листок. 1916. С. 30.
3. Нам И.В. Латышские организации в Сибири в условиях революции и Гражданской войны (1917–1919) // Россия и Балтия. М.: Наука, 2008. Вып. 5.
4. Полевые материалы автора. Воспоминания Втюриной М.Г. (1947 г.р.), с. Балтика Иглинского района Республики Башкортостан.
5. Государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (далее – ГАОО РБ). Ф.1. Оп. 1. Д. 263. Л. 1.
6. Баллод Б. Латыши // Сибирская советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, 1931. С. 28.
7. ГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 150. Л. 9.
8. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 7.
9. Там же. Ф. 122. Оп. 1. Д. 74. Л. 45–48.
10. Там же. Ф. 122. Оп. 6. Д. 150. Св. 114. Л. 11.
11. Известия Уфимского губернского революционного комитета. 1919. № 66.
12. Хамидуллин С., Таймасов Р. Большая Башкирия // Ватандаш. 2009. № 5. С. 79.
13. ГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 6. Д. 150. Св. 114. Л. 11.
14. Там же. Л. 15.
15. Там же. Л. 43.
16. Там же. Л. 52.
17. Курило О.В. Лютеране в России XVI–XX вв. Фонд «Лютеранское Наследие». World Wide Printing, 2002. Р. 7.
18. Там же. Р. 152.

LATVIANS BASHKIR ASSR IN THE FIRST DECADE OF SOVIET POWER: FACTORS SURVIVAL AND ETHNICITY

© E.A. Chegodaev

The article considers problems which the Latvian peasants of the young Bashkir republic had to face, contradictions of their social, economic and ethno cultural interests and the Soviet power. Shown taken by Latvians measures for preservation of traditional way of life of the methods of armed resistance and protests, and also involvement by their party and Komsomol bodies in socialist construction.

Key words: the Soviet government, the ethnic group of Latvians, Latvian economy, other ethnic environment, the Lutheran faith.